

Л. А. ГОЛОФАСТ^{а)}, П. А. ЕВДОКИМОВ^{б)}

а) Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

б) ГБОУ Школа «Интеллектуал» (Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ БЫТОВАНИЯ АМФОР С МЕЛКИМ ЗОНАЛЬНЫМ РИФЛЕНИЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ФАНАГОРИИ¹)

Аннотация: В статье рассматриваются так называемые амфоры с МЗР (шаровидные амфоры), которые наряду с амфорами причерноморского типа с желобчатым туловом составляют самую большую группу в керамическом комплексе раннесредневековых городов и поселений Северного Причерноморья. В Средиземноморье шаровидные амфоры были распространены с первых десятилетий VII в. (или даже с VI в.) до конца VIII, возможно, до середины IX в. Что же касается Северного Причерноморья, то здесь наиболее часто появление амфор с МЗР относят к VIII в., а конец бытования – к X или XI в., что существенно отличается от датировки аналогичных сосудов в Средиземноморье. Однако появление новых данных позволяет скорректировать указанные даты. В статье анализируются комплексы, которые обычно используют для обоснования долгого бытования шаровидных амфор. Кроме того, рассматриваются комплексы с амфорами причерноморского типа с МЗР и с желобчатым туловом из раскопок Фанагории, которые подтверждают предположение об их несинхронном бытовании и о выходе первых из бытования к концу IX в.

Ключевые слова: раннесредневековые амфоры причерноморского типа, шаровидные амфоры, Фанагория.

Самую большую группу в керамическом комплексе раннесредневековых городов и поселений Северного Причерноморья, несомненно, составляют амфоры т.н. северопричерноморского или причерноморского типа². А. Л. Якобсон выделил три их варианта: вариант с коротким горлом и хорошо выраженной желобчатостью на тулове (вариант 2) [53, с. 31, рис. 13,1–3] и 2 варианта с гладким корпусом, в большин-

¹ Авторы признательны В. Д. Кузнецову за возможность публикации материалов из его раскопок.

² Огромный массив работ, в которых детально рассматриваются вопросы, касающиеся истории возникновения термина, истории изучения, происхождения, ареала, типологии и хронологии рассматриваемых амфор, самая обстоятельная из которых – исследование В. Е. Науменко о керамике Тиритакки [30, с. 35–39], освобождает нас от необходимости подробно останавливаться на этих вопросах.

стве случаев с мелким зональным рифлением (далее – МЗР) на плечиках (варианты 1 и 3), отличающиеся друг от друга формой тулова: удлинненным суживающимся книзу у варианта 1 [53, с. 29–30] и округло-яйцевидным у варианта 3 [53, с. 32]³.

Варианты 3 и 1 относятся к разряду т.н. византийских шаровидных (*Byzantine globular amphorae*) и шаровидно-яйцевидных амфор (*Byzantine globular-ovoid amphorae*), которые составляют семьи соответственно «византийских шаровидных» («Family of the Byzantine Globular Amphorae») и «византийских шаровидно-яйцевидных» («Family of the Byzantine Globular-Ovoid Amphorae») [65, р. 874]. Они были широко распространены по всему Средиземноморью и производились в нескольких центрах: в Арголиде, бассейне Эгейского моря (на о-вах Кос, Парос, Самос), на Крите, Кипре, в Северной Африке, Италии и Сирии, которая поддерживала отношения с Византией и после арабского завоевания [55; 61, р. 442, fig. 5, A58; 65, р. 874–876; 70, р. 294–295]. Несколько центров по их производству зафиксировано в Таврике: на территории современной Ялты (в урочище Аутка, в бывшем поселке Дереккой, на территории санатория Кипарисный), в Ливадии, Чабан-Куле, Канакской балке, Мисхоре. Из Крыма они вывозились в Нижнее Подонье, Приазовье, Кубань, Поднепровье и т.д. [33, с. 53–79].

В Средиземноморье шаровидные и шаровидно-яйцевидные амфоры были распространены, начиная с первых десятилетий VII в. (или даже с VI в.). Более того, в VII в. они уже доминировали в комплексах над амфорами типа LRA 2, от которых, как считается, произошли и с которыми какое-то время сосуществовали [65, р. 874]. Яркой иллюстрацией их одновременного бытования является комплекс амфор из кораблекрушения у Яси Ада, которое первоначально на основании находки монеты Ираклия (610–641) датировали началом VII в. [56, р. 557], но сейчас склонны относить ко второй половине столетия [69, р. 159, 169]. Из 80 шаровидных амфор (тип Яси Ада 2) 50 принадлежали амфорам со сплошным, иногда волнистым рифлением (подтип Яси Ада 2а), остальные украшены зонами горизонтального рифления, нанесенного мелким зубчатым штампом (подтип Яси Ада 2b)⁴. Авторы особо отмечают

³ Исследователи неоднократно пытались составить более дробную типологию амфор причерноморского типа [2, с. 88–91; 3, с. 32, рис. 11; 40, с. 50–61; 44, с. 170–171, рис. 1–4; 51, с. 445–450 и др.], однако ни одна не получила общего признания. Это объясняется большим количеством морфологических вариаций: каждая из многочисленных мастерских выпускала амфоры чем-то отличающиеся от изделий других центров, и даже в пределах одного центра часто одновременно использовались различные технологические приемы и производились амфоры, отличающиеся друг от друга какими-то морфологическими характеристиками и составом глиняного теста [33, с. 76; 18, с. 422–423]. Например, при раскопках гончарной мастерской в урочище Суат был обнаружен обрушившийся прямо в процессе обжига горн с двадцатью амфорами причерноморского типа трех вариантов с разным профилем горла, разным цветом глины и составом отошителей. И. А. Баранов объясняет этот факт тем, что в одной печи обжигалась продукция нескольких гончаров. Поэтому более целесообразным представляется деление амфор на изначально выделенные А. Л. Якобсоном варианты: амфоры с МЗР и амфоры с желобчатым туловом, которого придерживаются многие исследователи [5, с. 84–86; 33, с. 75–76; 26, с. 184–185; 8, с. 395–396; 30, с. 37; 32, с. 261–282; 49, с. 202].

⁴ Если МЗР наносилось с помощью мелкого зубчатого штампа, то на амфоры типа LRA2 – инстру-

практически полную морфологическую идентичность подтипов, хотя первые несколько больше по объему.

К переходному типу можно отнести три амфоры (тип Пьери LRA 2C последней трети VI – первой половины VII вв. [64, р. 88]), найденные в заполнении цистерны, открытой в помещении 9а (двор поздней усадьбы) в квартале VIII Северного района Херсонеса, засыпанной в конце VII в. Судя по глине и морфологическим признакам, они явно относятся к средиземноморской продукции, и одна из них уже украшена двумя зонами мелкого рифления [14, с. 383, рис. 18].

В Средиземноморье шаровидные амфоры бытовали до конца VIII, возможно, до середины IX в., а шаровидно-яйцевидные, которые считаются подтипом шаровидных, относят к VIII–IX вв. [65, р. 874–875].

Что же касается Северного Причерноморья, то здесь наиболее часто появление амфор с МЗР относят к VIII в., а конец бытования – к X или XI в., что существенно отличается от датировки аналогичных сосудов в Средиземноморье⁵. Однако появление новых данных позволяет скорректировать указанные даты, и рядом исследователей уже высказывалось предположение о том, что амфоры с МЗР и амфоры с желобчатым туловом появляются несинхронно, и что первые относятся к более раннему времени [33, с. 75–77; 32; 49, с. 214].

Самые ранние в Причерноморье экземпляры амфор с МЗР происходят: из слоя пожара в Керчи, образовавшемся не ранее 660 г. [1, с. 169]; закрытых комплексов Сугдеи рубежа VII – первой половины VIII вв., в которых они являются основным типом амфорной тары [4, с. 40; 5, с. 84, рис. 7]⁶; жилища, построенного в начале VIII в. на развалинах Тиритакской базилики; две целые амфоры со сферическим туловом найдены на Пастырском городище, прекратившем существование во второй половине VIII в. [39, с. 63, рис. 95,5; 97,1,2, фото 36,2; 47,1,2]. Однако на сегодняшний день самым ранним комплексом, содержащим фрагменты амфор с МЗР, по-видимому, следует признать засыпь рыбозасолочной цистерны 3, открытой С. Г. Рыжовым⁷ в квартале IX Северного района Херсонеса, в которой, помимо перечисленных фрагментов амфор, найдены фрагменты горшков с круглой в сечении или крученой ручкой с пальцевым вдавлением у основания, мисок группы «Фокейской краснолаковой» формы 10А 570/580–650/670 гг. и блюда группы «Африканской краснола-

ментом с острым концом, который просто приставлялся к тулову вращавшейся на гончарном круге амфоры и постепенно поднимался вверх, прочерчивая непрерывную спираль, которую можно проследить на целых экземплярах. Делалось это до прикрепления ручек [57, р. 106].

⁵ Здесь нет необходимости приводить весь спектр мнений по поводу датировки рассматриваемых амфор. Их тщательный анализ содержится во многих работах [напр.: 29, с. 328; 19, с. 423].

⁶ Причем сугдейские комплексы наряду с амфорами с МЗР содержат и амфоры типа LRA2, широко распространенные в районе Эгейского и Черного морей, начиная с третьей четверти V в. [60, р. 66] до середины VII в. [67, р. 255; 62, р. 148–149]. До этого же времени доживают, судя по сугдейским комплексам, и т.н. амфоры с перехватом.

⁷ Авторы глубоко признательны Станиславу Григорьевичу Рыжову за разрешение использовать готовящийся к публикации материал из его раскопок.

ковой» формы 104С 550–625 гг. Отметим, что фрагменты амфор с МЗР и горшков с пальцевым вдавлением у основания ручки были распределены по всей толще засыпи, а не концентрировались в ее верхних слоях. Однако здесь следует еще раз обратить внимание на характер образования заполнения херсонесских цистерн и колодцев, которые, как правило, засыпались грунтом, взятым из нивелировочных насыпей или мусорных свалок, что не позволяет уверенно использовать подобные комплексы для хронологических построений. Кроме того, настораживает тот факт, что в других комплексах Херсонеса, образование которых можно отнести к VII в., находки фрагментов амфор с МЗР до сих пор зафиксированы не были.

Какое-то время амфоры с МЗР безраздельно господствовали на северо-причерноморском рынке. Только амфоры с МЗР присутствовали в засыпи водохранилища в Херсонесе, которую на основании отсутствия в ней кувшинов с плоскими ручками относят к первой половине IX в. [40, с. 48], хотя не исключена возможность, что водохранилище было засыпано или его начали засыпать несколько раньше: самые поздние монеты в заполнении относятся к чекану Юстиниана II (705–711) [44, с. 176] и присутствуют фрагменты поливной керамики группы GWW1, в том числе аналогичной сосудам, происходящим из слоев стадии II Большого дворца в Константинополе [47, с. 648], которую Р. Стивенсон относит к концу правления Исаврийской династии (717–802) [66, р. 36, 38].

Только амфоры с МЗР присутствовали и в засыпи колодца в Портовом квартале 1 [40, с. 47], засыпи цистерны Е в Северном районе Херсонеса и ямы в общественном здании цитадели [46, л. 63–72]. На Мангупе в слое пожара VIII в., зафиксированном на раскопе I-IA в Лагерной балке, и в «полу» хозяйственного помещения к юго-западу от комплекса зданий 2 и 5 также найдены исключительно амфоры с МЗР [9, с. 244, 264]. На городище Ак-Кая выявлен комплекс, содержащий только амфоры с МЗР в сопровождении лощеных сосудов и датированный авторами раскопок VIII–IX вв. [17, с. 43]. В Сугдее в слое первой половины IX в. вместе с поясным набором салтовского типа этого времени были найдены исключительно широкогорлые амфоры причерноморского типа, аналогичные амфорам из заполнения цистерны в Херсонесе [4, с. 40]. Такая же картина наблюдается и на некоторых других памятниках Крыма [48, с. 372; 25, с. 102–103; 26, с. 184; 27, с. 266–270; 28; 38, с. 268; 40, с. 47; 44, с. 170–171]. Только амфоры с МЗР присутствуют в слоях второй половины VII – первой половины VIII в. на территории западного пригорода Танаиса и в хозяйственных ямах на западном участке некрополя, на поселении Мартыново I VIII – начала IX в. [32, с. 261–266].

Самый поздний комплекс, в котором присутствуют исключительно амфоры с МЗР – засыпь колодца в херсонесской цитадели, где были найдены две монеты Василия I (867–886) [45, с. 123–124]⁸.

⁸ Есть мнение, что они вышли из употребления еще раньше: уже к IX в. [31, с. 197–198]. Однако последнюю дату опровергает их присутствие в Саркеле [34, рис. 29,5], основанном в 840 г. [50, с. 666].

Скорее всего, в течение IX в. в Северном Причерноморье происходят изменения в ассортименте амфорной тары: амфоры с МЗР постепенно сходят на нет, и их место занимают амфоры с желобчатым туловом (вариант 2 по А. Л. Якобсону), появление которых В. Е. Науменко на основе анализа содержащих их комплексов относит к первой половине / середине IX в., а пик бытования – ко второй половине IX – первой половине X в., а также кувшины с плоскими ручками, появление которых датируют серединой – второй половиной или концом IX в., пик бытования — X – первой половиной XI в. [53, с. 32, 75; 2, с. 92; 35, с. 74; 36, с. 175; 42, с. 47; 40, с. 63; 41, с. 320; 30, с. 54, 57; 10, с. 137; 9, с. 255–256]⁹.

Судя по комплексам, в которых зафиксировано единовременное бытование амфор с МЗР и амфор с желобчатым туловом, а также кувшинов с плоскими ручками, все три типа какое-то время в рамках второй половины IX в. сосуществовали. Однако первые, несомненно, являются более ранним типом и ко времени появления амфор с желобчатым туловом и кувшинов с плоскими ручками уже выходили из употребления.

Подтверждением тому служат выявленные в ходе исследований в Крыму последовательно сменявшие друг друга закрытые комплексы, среди которых более ранние содержали исключительно амфоры с МЗР, а более поздние – только желобчатые амфоры. В святилище у с. Заветное выделен закрытый комплекс из засыпи очага и золистого слоя вокруг очага, который сформировался за очень короткий промежуток времени и содержал только амфоры с МЗР в сочетании с фрагментами амфор с перехватом, ойнохой баклинского типа и горшков салтовского типа. После перестройки святилище продолжает функционировать, и на момент гибели его ритуальная площадка оказалась полностью погребена под золистым слоем, в котором выявлены только амфоры с бороздчатым туловом и кувшины с плоскими ручками, а также салтовские кухонные горшки. Амфоры с МЗР в слое, связанном со вторым периодом функционирования святилища, отсутствуют полностью [38, с. 271–273].

На Тепсене и в Сугдее амфоры с МЗР являются преобладающими до середины IX в., в то время как второй тип отсутствует. Во второй половине IX – первой половине X в. наблюдается обратная картина [4, с. 40, 41; 25, с. 102].

Следует отметить существование гончарных центров, в которых производили исключительно амфоры с МЗР, наряду с центрами, в которых производили и амфоры с МЗР, и амфоры с желобчатым туловом, но, как правило, первые связывают с более ранним этапом функционирования мастерских. В крупном гончарном центре в урочище Сотера амфоры с МЗР количественно преобладают в нижних стратиграфических слоях, т.е. на начальном этапе функционирования этот тип сосудов производился в большем количестве [49, с. 210, 213–214, 217]. О преобладании первого типа амфор на раннем этапе местного гончарного производства (примерно с

⁹ Центры по производству кувшинов с плоскими ручками пока не выявлены, но наиболее вероятными районами их изготовления считают Таманский (Таматарха и ее округа) и Керченский полуострова [9, с. 255], где, по предположению А. Г. Герцена и В. Е. Науменко, они появляются в комплексах, датированных временем около середины IX в. или немногим ранее [10, с. 138].

середины VIII до середины IX вв.) свидетельствуют также материалы исследования поселения на левом берегу р. Ай-Лия [48].

Что же касается комплексов, которые обычно приводят в пользу бытования амфор с МЗР в Северном Причерноморье до X–XI вв. включительно, то их нельзя признать надежными.

Так, в Керкинитиде в засыпи ямы несколько амфор с МЗР найдены вместе с обломками кувшина с плоскими ручками. Однако автор раскопок особо отмечает, что яма сильно пострадала от перекопов [23, с. 27, рис. 5]. В качестве аргумента в пользу бытования амфор с МЗР до XI в. включительно приводят засыпь колодца в квартале VII Северо-восточного района Херсонеса, содержащую монету Константина VII (945–959) и керамику группы GWW II [43, с. 240–242]. Однако заполнения херсонесских цистерн и колодцев, как правило, содержат большой процент примеси более раннего материала [12, с. 100; 13, с. 175]. Поэтому наличие в комплексе «горла и средней части ручки» не может использоваться как аргумент.

В Тиритаке в культурном слое, заполнявшем раскопанные в 1935 году помещения I и II, многочисленные фрагменты амфор с МЗР были найдены вместе с амфорой с желобчатым туловом варианта 2 и фрагментами высокогорлых кувшинов с плоскими ручками [7, с. 51], хотя отсутствие крупных фрагментов амфор с МЗР является показателем того, что они в данном контексте представляют «примесь снизу». Гладкостенная амфора с МЗР варианта 1, найденная в засыпи херсонесского склепа с монетами Романа I (920–944), также не может использоваться в качестве доказательства, т.к. она была найдена на поверхности засыпи [6, с. 254, рис. 26].

Присутствие амфор с МЗР в скоплении керамики из подводных исследований близ села Учкуевка, интерпретируемом автором раскопок В. В. Лебединским как место кораблекрушения [24, с. 2038–2039], также нельзя использовать для обоснования поздней даты рассматриваемых амфор. Выявленный в нем материал [11, с. 24–31] распадается на две хронологические группы: V–VII вв. и конца VIII – первой половины X в. Деление материала на две группы носит достаточно условный характер, и вторую группу, в принципе, можно разделить еще на две, например, конца VIII – первой половины IX в. и второй половины IX – первой половины X в., но если приведенные в статьях таблицы с рисунками амфор отображают статистику находок, то подавляющее большинство во второй хронологической группе составляют амфоры с МЗР, что позволяет отнести кораблекрушение к тому времени, когда еще доминировали амфоры с МЗР, но уже появляются амфоры с желобчатым туловом, т.е. к первой половине / середине IX в. Странно присутствие на месте кораблекрушения керамики V–VII вв. Возможно, скопление керамики на Учкуевке следует интерпретировать не как кораблекрушение, а как якорную стоянку, действовавшую с ранневизантийского времени? В средневековье при отсутствии причалов товары перегружали со стоящих на рейде кораблей на лодки (лихтеры), которые доставляли груз на берег. Такая практика была общепринятой в средневековое время [63, р. 237–238]. Возможно, таким образом снаб-

жались довольно многочисленные поселения, расположенные на Северной стороне Севастопольской бухты и в бассейне реки Бельбек.

Еще один комплекс, в котором присутствуют амфоры с МЗР, амфоры с желобчатым туловом и кувшины с плоскими ручками – это слой пожара в усадьбе 32 на Гераклеяском полуострове, в котором была найдена монета Романа IV Диогена (1067–1071) [54, с. 354]. Однако тот факт, что амфоры с МЗР и кувшины с плоскими ручками являются в нем самым массовым материалом при некотором доминировании первых, кажется довольно странным. Как уже отмечалось Л. Ю. Нидзельницкой и И. Б. Тесленко, отсутствие в публикации детальной стратиграфии памятника и послойного анализа керамических находок не позволяет использовать материалы этой усадьбы для определения времени бытования найденной здесь керамики. Не может быть использована в качестве обоснования такой даты и отмеченная в публикации монета Романа IV Диогена (1067–1071): в личной беседе автор раскопок сама высказала сомнение, что монету можно использовать для определения даты разрушения, т.к. она могла попасть в слой в результате перекопа.

Что же касается присутствия амфор с МЗР в культурных горизонтах Саркела X–XI вв. (1–3-й «пласты») [37, с. 225, рис. 73,5; 75], то на этом стоит остановиться несколько подробнее. В диаграмме из публикации 2006 года приведен рисунок найденной в Саркеле амфоры с МЗР из публикации 1959 года [34, рис. 29,5], в которой С. А. Плетнева выделила 5 видов амфор. 1 вид – это большие желтоглиняные продолговатые круглодонные амфоры с неглубоким рифлением, высоким горлом, слабо выраженным венчиком и ручками с выступающим ребром (или валиком) вдоль верхней поверхности [34, с. 241, рис. 28,3–6]. Судя по приведенным в публикации рисункам и ссылке на опубликованные к тому времени амфоры из гончарной мастерской у села Морского Судакского района (Чабан-Куле) [52, рис. 75], это амфоры с МЗР с воронкообразным и коническим горлом с плоско срезанным краем. 2 вид – это «близкие по форме к амфорам первого вида амфоры с коротким горлом и желобчатым туловом» [34, рис. 28,1,2,7], т.е. вариант 2 по А. Л. Якобсону. 3 вид – амфоры типа Ганос «с грушевидным туловом» (тип I по классификации Н. Гюнзенин, датирующиеся IX – серединой XI и началом XII в. [58, р. 269–271; 59, р. 21–25]) [34, с. 244, рис. 29–30], к которым С. А. Плетнева ошибочно отнесла амфоры с МЗР [34, рис. 29]¹⁰. К 4 виду отнесены амфоры тоже «с грушевидным», по описанию автора, туловом и с венчиком воротничкового типа (тип II по Н. Гюнзенин [58, р. 271; 59, р. 26–28]) середины X – XI / начала XII в. [68, р. 135]. Наконец, 5 вид – это поздние амфоры с высоко поднятыми ручками. Интересующие нас амфоры вида 1 («амфоры с продолговатым туловом и высоким горлом») обнаружены в заполнении ям самой ранней группы I, куда наряду с ними входят также кувшины с плоскими ручками и амфоры с желобчатым туловом

¹⁰ Ошибочно попав в группу амфор типа Ганос, амфоры с МЗР в ее составе спустя 40 с лишним лет перекочевали на диаграмму [37, рис. 71]. При этом в личной беседе с Л. Ю. Нидзельницкой Светлана Александровна говорила о полном отсутствии в Саркеле амфор с МЗР [32, с. 266], что, по нашему мнению, свидетельствует о незначительном их количестве на памятнике.

(амфоры, близкие к первому виду «по форме тулова, с укороченным горлом и небольшими полукруглыми ручками») [34, с. 261], что позволяет датировать заполнение ям первой группы второй половиной IX в. Далее при описании керамики из пласта 1, к которому относятся, по мнению исследовательницы, ямы группы 1, упоминаются «очень незначительное количество» фрагментов «амфор с продолговатым туловом», «амфор с грушевидным туловом», а также кувшины с плоскими ручками. Исходя из выше приведенных описаний выделенных видов амфор, первое из этих определений может в равной степени относиться как амфорам с МЗР, так и к амфорам с желобчатым туловом, а второе – как к амфорам типа Ганос, к которым, напомним, Светлана Александровна отнесла и амфоры с МЗР, так и к амфорам типа II по Гюнзенин [34, с. 266]. Такая ситуация вполне объяснима на начальном этапе изучения керамики. Но при этом С. А. Плетнева специально отмечает, что «в массе своей культурный слой первых десятилетий был опущен в ямы. От него на поверхности осталось, может быть, каких-либо 10–15 см (именно на этой глубине прослеживались верхние края ям группы 1). В дальнейшем этот большой слой постоянно перекапывался и перемешивался с последующими наслоениями. В результате керамика первых 50 см, начиная с материка, представляет собой единый, резко отличающийся от предыдущего (т.е. из ям) комплекс» [34, с. 262, 266]. Таким образом, мы не можем использовать керамический комплекс 1 пласта в качестве доказательства одновременного бытования амфор с МЗР и амфор типа Гюнзенин-II. Что же касается зафиксированного в ямах группы 1 сочетания амфор с МЗР, амфор с желобчатым туловом и кувшинов с плоскими ручками, то оно вполне нормально для второй половины IX в., когда амфоры с МЗР постепенно выходят из употребления.

Кроме того, следует отметить, что слой хазарского периода жизни города не совпадает с первым полуметровым условным пластом, а захватывает еще часть второго пласта, т.к. разбивка на пласты носила формальный характер: каждый пласт – это 50 см, начиная от материка, и поэтому пласт 2 пришлось разделить еще на 2 подпласта, из которых первый содержал тот же набор тарной керамики, что и пласт 1, за исключением увеличения в нем процента «грушевидных амфор X в.». Таким образом, в публикации описывается комплекс керамики из постепенно нарастающего пласта 1 (50 см) и первого подпласта 2 пласта (еще 25 см) как одно целое без более дробной разбивки, например, по глубине залегания или по более мелким напластованиям, хотя в начале описания специально отмечается, что «в первые десятилетия нарастание культурного слоя шло очень медленно», и подчеркивается, что границы между слоями не могли быть резкими: «В густонаселенном городе неизбежны перекопы, культурный слой постоянно перемешивался на глубину от 10 до 20 см. Таким образом в «хазарский» слой попадали вещи из вышележащих слоев, и наоборот» [34, с. 268]. Как видим, комплекс керамики из слоя, постепенно накапливавшегося и перемешивавшегося в течение довольно долгого периода времени от основания города в 840 году до его разгрома в 965 году, никак нельзя использовать для обоснования вывода о совместном бытовании амфор с МЗР и поздних типов

амфор и, соответственно, в качестве аргумента в пользу бытования амфор МЗР до конца XI / начала XII вв.

Подтверждают тезис о несинхронном бытовании амфор с МЗР и амфор с желобчатым туловом и раскопки в Фанагории, где в ходе исследований последних лет открыты значительные площади на раскопе «Верхний город», расположенном на холме в центральной части городища (рис. 1).

В 2007–2008 гг. на Западном участке раскопа в северо-западном углу квадрата 65, юго-восточном углу квадрата 59, а также в небольшой части квадратов 64 и 58 была выявлена полоса грунта, заметно отличающаяся по цветности и структуре от окружающей этот участок поверхности (рис. 2). Грунт представлял собой светло-серую белесую супесь комковатой структуры, с заметными включениями золы, костей крупных животных, камней, осколков стеклянных сосудов и керамики. Полоса этого грунта тянулась от западного борта раскопа на восток-северо-восток с отклонением примерно на 25–30°, с юга и с севера была ограничена параллельно идущими траншеями XIX в. и имела ширину 7,0–7,5 м. При зачистке и прометании поверхности подошвы штыка, грунт по мере просыхания характерным образом растрескивался так, что трещины выявляли комковатую структуру грунта и образовывали линии, идущие параллельно бортам обеих ограничивающих описываемую полосу траншей, причем прослеживалось падение частиц грунта к северу, что предполагало образование данного слоя в результате ссыпания земли вниз по склону. В слое помимо раннего материала (нескольких фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор типов E и F, стенки амфоры типа LRA1) найдены крупные фрагменты амфор с МЗР (рис. 3), 4 фрагмента венчиков горшков салтовского типа и ножка стеклянной рюмки, сформованной отдельно от тулова.

Мощность слоя на разных квадратах различается: на квадрате 59 следы засыпи удалось проследить при прохождении 7 штыка (нивелировочная отметка подошвы –1,40, отметка обнаруженной в этом штыке амфоры –1,24/–1,34) и далее в 8–9 штыках, а на квадрате 65 этот слой прослеживался на протяжении 8–10 штыков (нивелировочная отметка –1,71).

Такая разница в мощности слоя объясняется значительным уклоном всего участка в направлении северо-северо-запад, что заставляло жителей города перед каждым очередным масштабным строительством проводить нивелировочные работы. В ходе этих работ часть накопленного культурного слоя перемещалась из южной части участка к северу, вниз по склону, в результате чего культурные напластования отдельных эпох оказываются непредставленными в стратиграфическом разрезе раскопа. Так, на описываемом участке почти полностью отсутствует слой римского времени (сохранился только в ямах), под средневековыми отложениями прослеживается сгоревшая в пожаре 63 г. до н.э. царская резиденция позднеэллинистического времени, а прямо под ней – слои классического времени и эпохи архаики. Показательна неоднократно описанная в ряде публикаций стратиграфическая и планиграфическая ситуация на центральном участке раскопа Верхний город, где выявлены следы нивелировоч-

ных работ, непосредственно предшествовавших строительству общественного здания, южная часть фундамента которого покоилась прямо на специально подтесанном материке (с которого были предварительно удалены культурные отложения второй половины VI – первой половины IV в. до н.э.) [20; 16]. Следы нивелировочных работ выявлены и в северо-восточной части раскопа Верхний город, где ниже по склону за пределами линии укреплений эпохи поздней архаики было обнаружено скопление амфорной тары IV в. до н.э. [15, с. 93–94, 97–100].

Сделав эти общие замечания, перейдем непосредственно к стратиграфии и планиграфии культурных отложений и строительных остатков средневекового времени на Западном участке раскопа Верхний город (рис. 1). Сразу следует отметить, что от застройки, связанной с рассматриваемой нивелировочной засыпью, сохранились лишь обрывки вымосток. Отчасти она была разрушена мусорными ямами, отчасти траншеями XIX в., отчасти выборкой камня под строительство окрестными жителями в Новое и Новейшее время, но в первую очередь строительной активностью самих жителей Фанагории, которые из-за отсутствия камня на Таманском полуострове вынуждены были добывать строительный материал из старых построек.

Итак, от поздней застройки на участке сохранились следующие объекты. **Объект 352** (рис. 4–5), расположенный в южной части участка (квадраты 52–55, 69) и представляющий собой фрагмент большой каменной вымостки с фланкирующими ее с севера шестью небольшими грубо обработанными подпорными камнями с округлыми углублениями на верхней поверхности, предназначенными для установки деревянных опор. Все камни, кроме одного¹¹, имели подквадратную в плане форму. Расстояние между центрами баз – 2,2–2,5 м. Очевидно, что сохранившаяся часть вымостки находилась под навесом, который опирался на стены здания, расположенного к югу от него, а также на деревянные колонны. Аналогичный строительный прием был прослежен при раскопках культурных напластований средневекового времени на северо-восточном участке раскопа Верхний город, а также на раскопе Нижний город [21]. Можно полагать, что к не сохранившемуся зданию, остатками дворовой вымостки которого является объект 352, примыкала крытая галерея, проходившая через весь Западный участок. Общая ее длина должна быть более 10 м. Вымостка, таким образом, представляла собой, вероятнее всего, мощеный внутренний двор большого здания, площадь которого, если он в плане был квадратным, могла быть около 100 м², что в целом предполагает очень солидные размеры всего сооружения.

В 6,5 м к югу открыт **объект 355** (рис. 6), представляющий собой достаточно мощную (ширина 0,9 м) стену, ориентированную параллельно линии колонн объекта 352. Стена сложена в технике двухпанцирной кладки из грубо обработанных достаточно крупных камней (известняк, ракушечник) с забутовкой между панцирями. Длина сохранившейся части стены – 2,4 м. Велика вероятность, что она представля-

¹¹ Вторая с запада опора была представлена простым крупным камнем без следов обработки, но его положение на одной линии с остальными и на равном расстоянии между двумя соседними опорами не оставляет сомнений в его использовании в качестве одной из опор.

ет собой заглубленную ниже уровня древней дневной поверхности часть фундамента северной стены здания, к которому относилась вымостка (объект 352).

Стена 354 ориентирована почти точно перпендикулярно к линии стены 355 и колонн, фланкировавших вымостку 352. Стена сложена в технике «елочкой», имеет ширину 0,6 м и также сложена в два панциря с забутовкой. Сохранилась на протяжении 1,4 м в один ряд. Возможно, перед нами остатки восточной стены всего комплекса.

В северной части исследуемого участка выявлена **кладка 359** шириной 0,4 м (рис. 8), также сложенная в «елку» в два панциря с забутовкой из более мелких камней. Сохранилось два ее ряда на длину 3,3 м. Примерно посередине сохранившегося участка этой стены, в 1,4 м от восточного края верхний (второй снизу) ряд в южном фазе кладки фланкирован поставленным на ребро крупным плоским камнем, оформлявшим, по всей видимости, дверной проем. Второй обрамлявший проем камень не сохранился, но угадывается в 60 см западнее, где второй ряд кладки снова возобновляется и продолжается до западного края стены. Поверхность кладки лежит на глубине $-0,92$ – $-1,03$ м от репера, нивелировочная отметка подошвы кладки $-1,10$ м. Примечательно, что вокруг этой стены были обнаружены 6 амфор причерноморского типа с желобчатым туловом (рис. 8,а). Амфоры лежали в беспорядке с обеих сторон стены на древней дневной поверхности, две амфоры – возле южного фаса кладки, две амфоры и две горловины – к северу от кладки.

Еще севернее, в 1,05 м к югу от северного борта раскопа сохранился обрывок каменной **кладки 369** (рис. 7), также сложенной «в елку». От кладки до нас дошел только один панцирь (длина 0,9 м, ширина 0,2 м), сложенный из шести камней. Общая ширина всей стены может быть высчитана лишь предположительно – ок. 0,5 м. Поверхность кладки лежит на глубине $-0,85$ – $-0,9$ м от репера, нивелировочная отметка подошвы $-1,12$ м.

Кладка 361 (рис. 9,а) относилась к какому-то достаточно большому зданию (сохранившаяся протяженность до 7,4 м при ширине от 20 до 30 см; западный край сооружения уходит за пределы раскопа) и представляет собой остатки кладки фундамента, сложенного в технике «в елку» из плоских камней. Кладка, очевидно, изначально была двухпанцирной, но сохранился только ее северный панцирь. Нивелировочные отметки поверхности кладки $-0,52$ – $-0,64$ м от репера, нивелировочные отметки подошвы $-0,68$ – $-0,75$ м. При разборе кладки обнаружены 10 фрагментов желобчатых стенок круглодонных амфор причерноморского типа, использованных в качестве забутовки, т.е. стена построена не ранее первой половины IX в. – времени появления амфор с желобчатым туловом.

Кладка 361 разрезана на две части поздней ямой 351, которая, к тому же, пробивает нивелировочную засыпь (рис. 9). В ее заполнении, помимо большого количества раннего материала, выявлены фрагменты стенок амфор причерноморского типа с желобчатым туловом. Идентичность материала из ямы и кладки 361 говорит о том, что промежуток времени между прекращением использования стены и образованием режущей ее ямы был небольшим.

Все сохранившиеся объекты участка, расположенные как в южной его части (стены 354 и 355 и вымостка 352), так и заметно ниже по склону (кладки 359 и 369), вписываются в единую планировочную структуру: стены 355, 361, 359 и 369, относящиеся к разным сооружениям, имеют одинаковый уклон к оси север–юг, будучи ориентированы поперек склона холма, а стена 354 идет перпендикулярно и спускается вдоль склона. Глубина залегания этих объектов примерно одинаковая (в пределах отметок +0,37, +0,30 м от нулевого репера).

К сожалению, данные для датировки большинства выявленных на участке кладок отсутствуют. Только кладка 361 стоит непосредственно на участке, на котором выявлен нивелировочный слой, поэтому для определения относительной хронологии культурных напластований существенным является взаиморасположение объектов 361 и 366 (рис. 9; 10).

Под западной половиной стены на глубине 0,2 м от ее подошвы прослеживаются следы пожара в виде обгоревших до оранжевого цвета печин, сгоревшей до белого цвета органики, золы, обгоревшей земли. Еще ниже идет черпаяная вымостка 366 (рис. 10), в бытовании которой в средневековом горизонте прослежено два периода, разделенных земляной прослойкой толщиной 25–38 см. Вымостка, сложенная из мелко дробленных фрагментов керамики, а также заметной доли костей животных, включая зубы, прослежена на всю ширину западного участка (от западного борта до восточного края квадрата 49) и имеет общую протяженность 15,9 м. Ширина объекта определяется приблизительно: в центральной части она равна примерно 2 м, у восточного борта раскопа – до 2,6 м, у западного – до 3,3 м. Южный край пробит траншеей XIX в. Верхний уровень мощений (второй период бытования вымостки) лежит на глубине 0,81–0,84 м от репера, нижний (первый уровень бытования вымостки) – на глубине от –1,05 м (восточный край) и до –1,22 м (западный край) от репера. В обоих случаях мощение положено в один слой и плотно втоптанно в древнюю дневную поверхность.

Существенно, что в ходе расчистки этого объекта по мере продвижения к северу плотность мощения уменьшалась, а его качество заметно падало, постепенно сходя на нет и превращаясь в утопанную поверхность. Возможно, край вымостки, постепенно сходящей на нет по мере продвижения к северу, мог соответствовать предполагаемой северной границе участка, сnivelированного под застройку в финальный период жизни на Верхнем городе. Таким образом, общая стратиграфическая ситуация на участке вырисовывается следующим образом. В связи с новым строительством с вершины холма была удалена часть культурных напластований, содержавших крупные фрагменты амфор с МЗР. Часть перемещенного грунта была сброшена вниз по склону, увеличив площадь сnivelированного участка. Поверх перемещенного грунта была положена вымостка, которая бытовала достаточно продолжительное время и, по мере затаптывания и образования поверх нее культурного слоя, подновлялась¹².

¹² С. А. Плетнева, открывшая на раскопе «Центральный» часть города хазарского времени, зафиксировала четыре слоя мостовых, также разделенных прослойками в 15–20 см грунта. По ее мнению, ули-

После того как вымостка перестала функционировать, на этом участке было какое-то локальное возгорание, а затем спустя какое-то время (следы возгорания прослежены на глубине 0,2 от подошвы стены) была положена каменная кладка 361, относившаяся к сооружению довольно серьезных размеров. После того как сооружение 361 было разрушено и весь участок, видимо, превратился в пустырь, где захоранивались бытовые отходы, кладку 361, вымостку 366 и нивелировочную засыпь пробила яма 351. Таким образом, между формированием нивелировочной засыпки и возведением здания, которому принадлежала стена 361, должно было пройти довольно много времени, в течение которого появились два уровня вымостки, разделенных между собой 35–38 см грунта, и произошел пожар, следы которого прослежены на глубине 0,2 от подошвы стены.

В 2011 году в ходе работ на Северном участке раскопа «Верхний город» (рис. 11) в северо-восточном углу квадрата 89 в 3,6 м от южного борта и в 14,05 м от западного был обнаружен развал шести шаровидных амфор с мелким зональным рифлением, ориентированный по линии север–юг. Длина развала 1,6 м, при максимальной ширине 0,55 м (объект 602) (рис. 13; 14).

Амфоры находились под кладкой 601, исследованной в сезоне 2010 г. и представляющей собой фундамент стены, ориентированной по линии север–юг с небольшим отклонением северного конца к востоку. Фундамент двухпанцирный с забутовкой из мелких камней и черепков. Панцири сложены из небольших камней, многие из которых уложены в технике «елочкой». Сохранившаяся длина стены 3,9 м, ширина 0,7 м. Нивелировочные отметки амфор 0,90–1,30, подошвы стены 0,68–0,77.

Кладка синхронна стене 600, расположенной в 3,3 м от южного борта того же участка и уходящей под северный борт почти в самом северо-восточном углу раскопа. Она также представляет собой фундамент стены, ориентированной с севера на юг с небольшим отклонением северного конца к востоку. Кладка двухпанцирная с забутовкой из мелких камней и черепков, сложена из не очень крупных камней, хотя периодически попадаются и довольно массивные. Длина фундамента 7,15 м, ширина 0,65–0,7 м. От обеих сохранившихся на участке кладок сохранился лишь один ряд. В 0,7 м к западу от стены 600 открыты развалы нескольких амфор причерноморского типа с желобчатым туловом (рис. 12).

Таким образом, налицо резкое отличие набора амфор из нивелировочной засыпки в квадратах 58–59, 64–65 и из развала под стеной 601, с одной стороны, и сосудов, связанных с остатками домов, выстроенных в технику «в елку», которые, судя по одинаковому набору сопровождавшего их материала, синхронны домам 2008 года раскопок [22]. В первом случае это исключительно амфоры с МЗР. Абсолютно другой комплекс амфор сопровождал строительные остатки верхнего горизонта Фанагории, где на несколько десятков амфор с желобчатым туловом, оставленных

ца подновлялась новой подсыпкой по мере загрязнения и роста культурного слоя вокруг мостовой, и с учетом нарастания культурного слоя 1 см в год можно предположить, что улица существовала не менее 80–100 лет [36, с. 181].

покидавшими город жителями в своих домах, приходится лишь один кувшин с плоскими ручками и ни одной амфоры с МЗР. Учитывая принятую на сегодняшний день дату появления кувшинов с плоскими ручками в 60–70-х гг. IX в., логично сделать вывод о выходе к концу IX в. амфор с МЗР из употребления.

Суммируя все вышеизложенное, историю застройки участка можно реконструировать следующим образом. Рассмотренные комплексы с амфорами с МЗР говорят о существовании на участке застройки, восстановленной после разгрома Фанагории предположительно во второй половине VI в.¹³ Время ее появления из-за отсутствия каких-либо данных остается неясной. Понять, что она собой представляла, тоже невозможно, т.к. была полностью разобрана, а территория, некогда занимаемая ею, сnivelирована. «Гибель» застройки произошла уже в период доминирования амфор с МЗР, который в Северном Причерноморье приходится, скорее всего, на VIII в., поскольку, как уже отмечалось, комплексов с амфорами с МЗР, датирующихся VII в., в регионе чрезвычайно мало. В частности, в Херсонесе среди нескольких известных на сегодняшний день комплексов VII в., в том числе конца столетия, пока выявлен только один, и тот содержит лишь несколько фрагментов амфор рассматриваемого типа. Т.е. говорить о широком распространении шаровидных амфор в Северном Причерноморье в VII в. не приходится.

Что заставило жителей города покинуть свои дома в VIII в., непонятно. Письменные источники о каких-либо событиях подобного рода не упоминают.

Новая застройка, от которой на рассматриваемом участке сохранилось только два уровня вымостки, и проведенная перед ней нивелировка были произведены спустя какое-то, по-видимому, непродолжительное время.

Наконец, возможно, только в первой половине IX в. появляются дома, выстроенные в технике «в елку».

Естественно, это – весьма приблизительная схема, поскольку от застройки, предшествующей поздним домам, на участке почти ничего не сохранилось.

Суммируя все вышесказанное, следует отметить, что:

1. Раскопки Фанагории подтверждают предположение о несинхронном бытовании амфор с МЗР и амфор с желобчатым туловом и о выходе первых из бытования к концу IX в.

2. Не подтверждается предположение о регионализме в распространении разных вариантов амфор причерноморского типа, сделанное на основе картографирования находок, которое показало, что «амфоры с МЗР, доминирующие на памятниках Южной Таврики, численно уступают иным типам «причерноморских» амфор, полученных раскопками в других районах полуострова, в Приазовье и Нижнем Подонье, еще реже они встречаются за пределами указанного региона. Напротив, «причерноморские» желобчатые амфоры количественно преобладают на поселениях в Восточном Крыму, Приазовье и Подонье» [30, с. 43; 9, с. 255]. Этот вывод не применим, по крайней мере, к Фанагории. Здесь амфоры с МЗР, если не считать незначительное количество

¹³ В открытом в 2019 году на участке «Нижний город» слое пожара VI в. был обнаружен золотой солид Юстиниана I 542–565 гг. выпуска. Авторы признательны М. Г. Абрамзону за предоставленную информацию.

амфор с перехватом, являются практически единственным видом амфорной тары в слоях, предшествующих поздней застройке, и наоборот – в верхних слоях городища представлены исключительно амфоры с желобчатым туловом в сочетании с редкими экземплярами кувшинов с плоскими ручками, а амфоры с МЗР присутствуют во фрагментах в комплексе «ранней» керамики, составляющей большую часть керамического комплекса всех без исключения слоев фанагорийского городища¹⁴.

3. На участке «Верхний город» удалось проследить как минимум три строительных периода: 1 – период доминирования амфор с МЗР; строительные остатки не сохранились, но судя по брошенным амфорам, дома были покинуты жителями, скорее всего, из-за какой-то опасности; 2 – следующая застройка, представленная нивелировочной засыпью и двумя уровнями вымостки, скорее всего, относится к VIII в.; 3 – застройка с хорошо сохранившимися домами с кладкой «в елку», предположительно появившаяся в первой половине IX в.

4. Рассмотренные в статье амфоры, несомненно, входят в «семью» амфор, распространенных по всему Средиземноморью и известных в литературе под названием «globular» («шаровидных»), поэтому следует отказаться от «регионального» термина «амфоры причерноморского типа с мелким зональным рифлением» и перейти на международную терминологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. XII. С. 168–185.
2. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 81–101.
3. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка, 1990. 165 с.
4. Баранов И.А., Джанов А.В., Майко В.В. Раскопки средневековой Сугдеи // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997. С. 38–45.
5. Баранов И.А., Майко В.В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 83–100.
6. Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (Раскопки 1948 г.) // МИА. М., 1953. № 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. С. 237–254.
7. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. М., Л., 1952. № 25. Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. С. 15–134.
8. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (к вопросу периодизации Мангупской цитадели) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.

¹⁴ Доминирование в керамических комплексах всех слоев городища значительной «примеси снизу» объясняется принятой в Фанагории практикой мостить улицы фрагментами керамики, где для этих целей использовалась керамика очень широкого хронологического диапазона, включая керамику античного времени, которую в изобилии находили в ходе разбора кладок ранних построек в целях получения строительного материала. В поисках дефицитного камня жители города выкапывали довольно глубокие ямы, что также приводило к нарушению слоев, и попадавшаяся в ходе подобных «раскопок» керамика тоже шла в дело.

9. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 240–295.
10. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 127–151.
11. Гинькут Н.В. Керамика IX – первой половины X вв. с места кораблекрушения близ Учкуневки (Севастопольский прибрежный район) // Подводная археология: сто лет исследований. Материалы международной научно-практической конференции «К 100-летию подводной археологии». М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 24–31.
12. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 96–260.
13. Голофаст Л.А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135–216.
14. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.
15. Завойкин А.А. Торговые связи Фанагории по керамической таре и археологическая периодизация «Верхнего города» (6–3 вв. до н. э.) // Материалы по археологии и истории Фанагории / Ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М., 2018. С. 91–105. (Фанагория. Т. 7. Вып. 4).
16. Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н. э. (проблемы периодизации и урбанистики) // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. Керчь, 2013. С. 182–189.
17. Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г., Шкрибляк И.И. Раскопки городища Ак-Кая // Археологічні дослідження в Україні 2012 р. Київ, 2013. С. 41–44.
18. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген // Боспорские исследования. 2005. Вып. X. С. 236–268.
19. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Ред. Г.Е. Афанасьев. М., 2008. С. 420–440.
20. Кузнецов В.Д. Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопа «Верхний город») // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., 2011. С. 256–289.
21. Кузнецов В.Д. Раннесредневековый дом в Фанагории // Древности Боспора. 2016. Вып. 20. С. 306–317.
22. Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1(27). С. 393–429.
23. Кутайсов В.А. Античный город Керчинитида. Киев: Наукова Думка, 1990. 176 с.
24. Лебединский В.В. Подводные археологические исследования в акватории Гераклеяского полуострова: история и современность // 38 International Congress of Asian and North African Studies. Papers. 10-15.09. 2007. Vol. IV. Ankara, 2012. P. 2038–2039
25. Майко В.В. Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 101–123.
26. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.
27. Майко В.В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности. Харьков, 2009. С. 263–272.

28. Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, 2012. С. 54–62, 120–123.
29. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I. С. 324–340.
30. Науменко В.Е. Амфоры. Кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том 1. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь, Керчь, 2009. С. 35–57.
31. Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона. М., Иерусалим, 2007. С. 193–214. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2).
32. Нидзельницкая Л. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом 5-начала 9 вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 261–282.
33. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 52–81.
34. Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. М., Л., 1959. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. II. С. 212–272.
35. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62–75.
36. Плетнева С.А. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003. С. 171–183.
37. Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Симферополь, 2006. 244 с. (МАИЭТ. Suppl. I).
38. Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 264–282.
39. Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ, Чернівці, 2005. 244 с., 152 илл.
40. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995. 170 с.
41. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 312–329.
42. Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 42–57.
43. Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. II. С. 229–256.
44. Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // СА. 1995. № 2. С. 170–177.
45. Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX в. из цитадели в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 123–124.
46. Седикова Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997 // Архив ИА РАН. Д. 2632.
47. Седикова Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 646–650.
48. Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековое поселение на левом берегу р. Ай-Лия (по материалам исследований 2005 г.) // Древняя и средневековая Таврика. Киев, 2015. С. 366–527. (Археологический альманах. Вып. 33).

49. Тесленко И.Б., Телиженко С.А. Исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008–2013 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Киев, 2015. С. 201–310. (Археологический альманах. Вып. 33).
50. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 663–688.
51. Чхайдзе В.Н. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // Древности Боспора. 2005. Вып. VIII. С. 443–464.
52. Якобсон А.Л. Раннесредневековые гончарные печи в восточном Крыму // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 164–172.
53. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 162 с.
54. Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеийском полуострове // Херсонесский сборник. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 349–358.
55. Arthur P. Early Medieval Amphorae, the Duchy of Naples and the Food Supply of Rome // Papers of the British School at Rome. 1993. Vol. 61. P. 231–244.
56. Bass G.F. Underwater Excavations at Yassi Ada: a Byzantine Shipwreck // *Archaeologischer Anzeiger*. 1962. P. 537–564.
57. Boardman J. The Finds // Balance M., Boardman J., Corbett S., Hood S. Excavations in Chios. 1953–1955. Byzantine Emporio. London, 1989. P. 86–142.
58. Gunsenin N. Recherches sur les amphores Byzantines dans les musees Turcs // *Recherches sur la Ceramica Byzantine*. Paris, 1989. P. 267–276.
59. Günsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques (thèse de doctorat présentée à l'Université Paris I, Panthéon-Sorbonne). Paris, 1990.
60. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992. 455 p.
61. Hayes J.W. Early Christian Pottery from Knossos: the 1978–1981 Finds from the Knossos Medical Faculty Site // *The Annual of the British School at Athens*. 2001. Vol. 96. P. 431–454.
62. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border // *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity* / Eds. S. Kingsley, M. Decker. Oxford, 2001. P. 129–166.
63. Martin L.R. Horse and Cargo (Handling on Medieval Mediterranean Ships) // *The International Journal of Nautical Archaeology*. 2002. Vol. 31. P. 237–247.
64. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005. 329 p.
65. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport Vessels and Maritime Trade Routes in the Aegean from the 5th to the 9th c. AD. Preliminary Results of the EU Funded “Pythagoras II” Project: the Cretan Case Study // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers. Vol. I / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford, 2014. P. 873–883.
66. Stevenson R. The Pottery. The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, London, 1947. 33 p.
67. Swan V. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context // *The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond*. Oxford, 2007. P. 251–280.
68. Todorova E. The Medieval Amphorae (9th to 14th centuries AD) from Excavations at Silistra in 2007 (Preliminary Report) // PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table Held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26–30, 2007 / Eds. Ch. Tzochiev, T. Stoyanov, A. Bozkova. Sofia, 2011. P. 131–140.
69. Vroom J. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. Seventh–Fourteenth Centuries // *Trade in Byzantium. Papers from the Third International*

Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium (Istanbul, 24-27 June, 2013) / Eds. P. Magdalino, N. Necipoğlu. Istanbul, 2016. P. 157–177.

70. Vroom J. The Byzantine Web: Pottery and Connectivity Between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean // *Adriatico altomedievale (VI-XI secolo)*. Scambi, porti, produzioni. Studi e Ricerche no. 4 / Eds. S. Gelichi, C. Negrelli. Venice, 2017. P. 285–310.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Khazarskii sloi v Kerchi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2000, Vol. XII, pp. 168–185.
2. Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I. Srednevekovye amfory Khersonesa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Sverdlovsk, 1971, Vol. 7, pp. 81–101.
3. Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1990, 165 p.
4. Baranov I.A., Dzhanov A.V., Maiko V.V. Raskopki srednevekovoi Sugdei. *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*. 1994 g., Simferopol, 1997, pp. 38–45.
5. Baranov I.A., Maiko V.V. Prabolgarskie gorizonty Sudakskogo gorodishcha serediny VIII – pervoi poloviny X vv. *B''lgarite v Severnoto Prichernomorie*, Veliko Tŕrnovo, 2000, T. VII, pp. 83–100.
6. Belov G.D. Zapadnaia oboronitel'naia stena i nekropol' vozle nee (Raskopki 1948 g.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34, pp. 237–254.
7. Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1952, No. 25, pp. 15–134.
8. Gertsen A.G., Zemliakova A.Iu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun (k voprosu periodizatsii Mangupskoi tsitadeli). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, Vol. XII, pp. 371–494.
9. Gertsen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi sv. Konstantina (Mangup): III gorizont zastroiki (seredina IX – nachalo X vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2010, Vol. XVI, pp. 240–295.
10. Gertsen A.G., Naumenko V.E. Keramika IX-XI vv. iz zhilogo kompleksa na myse Teshkli-Burun. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, Vol. 32, pp. 127–151.
11. Gin'kut N.V. Keramika IX – pervoi poloviny X vv. s mesta korablekrusheniia bliz Uchkuevki (Sevastopol'skii pribrezhnyi raion). *Podvodnaia arkheologii: sto let issledovaniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «K 100-letiiu podvodnoi arkheologii»*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN Publ., 2002, pp. 24–31.
12. Golofast L.A. Steklo rannevizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII, pp. 96–260.
13. Golofast L.A. Shtampy V–VII vv. na posude gruppy «Fokeiskoi krasnolakovoi» iz raskopok Khersonesskogo gorodishcha. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2002, Vol. IX, pp. 135–216.
14. Golofast L.A., Ryzhov S.G. Severnyi raion Khersonesa v rannevizantiiskoe vremia (kvartaly VIII i IX). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2011, Vol. XVII, pp. 363–411.
15. Zavoikin A.A. Torgovye sviazi Fanagorii po keramicheskoi tare i arkheologicheskaia periodizatsiia «Verkhnego goroda» (6–3 vv. do n. e.). Kuznetsov V.D., Zavoikin A.A. (Eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*, Moscow, 2018, pp. 91–105.
16. Zavoikin A.A., Kuznetsov V.D. «Verkhniĭ gorod» Fanagorii v 5 v. do n. e. (problemy periodizatsii i urbanistiki). *XIV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanistiki*, Kerch, 2013, pp. 182–189.
17. Zaitsev Iu.P., Koltukhov S.G., Shkribliak I.I. Raskopki gorodishcha Ak-Kaia. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2012 r.*, Kiev, 2013, pp. 41–44.

18. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Rannesrednevekovi gorizont poseleniia Geroevka-2 u poselka El'tigen. *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2005, Vol. X, pp. 236–268.
19. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Rannesrednevekovi gorizont poseleniia Geroevka-6 na Kerchenskom poluostrove. Afanas'ev G.E. (Ed.), *Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A.G. Atavina*, Moscow, 2008, pp. 420–440.
20. Kuznetsov V.D. Zametki o kul'turnom sloe Fanagorii (po materialam raskopa «Verkhni gorod»). *Grecheskie i varvarskie pamiatniki Severnogo Prichernomor'ia. Opyt metodiki rossiiskikh i ukrainskikh polevykh issledovani*, Moscow, 2011, pp. 256–289.
21. Kuznetsov V.D. Rannesrednevekovi dom v Fanagorii. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2016, Vol. 20, pp. 306–317.
22. Kuznetsov V.D., Golofast L.A. Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010. № 1(27), pp. 393–429.
23. Kutaisov V.A. *Antichnyi gorod Kerkitida*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1990, 176 p.
24. Lebedinskii V.V. Podvodnye arkheologicheskie issledovaniia v akvatorii Gerakleiskogo poluostrova: istoriia i sovremennost'. *38 International Congress of Asian and North African Studies. Papers. 10-15.09.2007*, Vol. IV, Ankara, 2012, pp. 2038–2039.
25. Maiko V.V. Keramicheskii kompleks VIII–X vv. prabolgarskogo gorodishcha Tepsen' v Iugo-Vostochnom Krymu (predvaritel'naia tipologii). *B'lgarite v Severnoto Prichernomorie*, Veliko Tŕrnovo, 2000, T. VII, pp. 101–123.
26. Maiko V.V. *Srednevekove gorodishche na plato Tepsen' v Iugo-Vostochnom Krymu*, Kiev, Akadempriodika Publ., 2004, 316 p.
27. Maiko V.V. Arkheologicheskie materialy dlia rekonstruktsii posada rannesrednevekovoï Sugdei. *Drevnosti*, Khar'kov, 2009, pp. 263–272.
28. Maiko V.V. Sugdeia vo vtoroi polovine VII – pervoi polovine VIII vv. Obzor arkheologicheskoi situatsii. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*, Vol. 2, Kharkiv, 2012, pp. 54–62, 120–123.
29. Naumenko V.E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniia u podnozhii Mangupa. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Vol. I, Simferopol, 1997, pp. 324–340.
30. Naumenko V.E. Amfory. Kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekxy VIII–X vv.*, Simferopol, Kerch, 2009, pp. 35–57.
31. Nidzel'nitskaia L.Iu., Il'iashenko S.M. Rannesrednevekove poselenie na territorii Tanaisa. *Srednevekove drevnosti Dona*, Moscow, Jerusalem, 2007, pp. 193–214.
32. Nidzel'nitskaia L. Vizantiiskie amfory s gladkim korpusom i zonal'nym ornamentom 5-nachala 9 vv. (po materialam donskikh muzeev). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia*, Rostov-na-Donu, 2009, pp. 261–282.
33. Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharnye tsentry Tavriki VIII–X vv. *Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Prichernomor'i*, Kiev, 2001, pp. 52–81.
34. Pletneva S.A. Keramika Sarkela-Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, 1959, No. 75, pp. 212–272.
35. Pletneva S.A. Saltovo-maiatskaia kul'tura. *Arkheologiia SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednekov'ia*, Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 62–75.
36. Pletneva S.A. Goroda Tamanskogo poluostrova v kontse VIII–XII vv. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednekov'ia, Moscow, 2003, pp. 171–183.
37. Pletneva S.A. *Drevnerusskii gorod v kochevoi stepi*. Simferopol, 2006, 244 p.
38. Ponomarev L.Iu. Saltovskoe ukreplenie i sviatilishche u s. Zavetnoe. *Bosporskie issledovaniia*, Kerch, 2003, Vol. III, pp. 264–282.
39. Prikhodniuk O.M. *Pastirs'ke gorodishche*. Kiïv, Chernivtsi, 2005, 244 p.

40. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersonesa*. Ekaterinburg, 1995, 170 p.
41. Ryzhov S.G., Sedikova L.V. Kompleksy X v. iz raskopok kvartala X «B» Severnogo raiona Khersonesa. *Khersonesskii sbornik*, Sebastopol, 1999, Vol. X, pp. 312–329.
42. Sazanov A.V. K khronologii tsitadeli Baklinskogo gorodishcha IX–XI vv. *Problemy istorii i arkheologii Kryma*, Simferopol, 1994, pp. 42–57.
43. Sazanov A.V. Keramicheskii kompleks nachala XI v. iz Khersonesa. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Vol. II, Simferopol, 2001, pp. 229–256.
44. Sedikova L.V. Keramicheskii kompleks pervoi poloviny IX v. iz raskopok vodokhranilishcha v Khersonese. *Sovetskaia arkheologiia*, 1995, No. 2, pp. 170–177.
45. Sedikova L.V. Keramicheskii kompleks vtoroi poloviny IX v. iz tsitadeli v Khersonese. *Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma*, Simferopol, 1995, pp. 123–124.
46. Sedikova L.V. *Keramicheskoe proizvodstvo i import v Khersonese v IX v. Text of kandidat. diss.* Moscow, 1997.
47. Sedikova L.V. K voprosu o vremeni poiavleniia vizantiiskoi polivnoi posudy v Khersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 646–650.
48. Teslenko I.B., Lysenko A.V. Srednevekovoe poselenie na levom beregu r. Ai-Liia (po materialam issledovaniia 2005 g.). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika*, Kiev, 2015, pp. 366–527.
49. Teslenko I.B., Telizhenko S.A. Issledovaniia srednevekovogo poseleniia na myse Sotera (predvaritel'nye itogi rabot 2004, 2008–2013 gg.). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika*, Kiev, 2015, pp. 201–310.
50. Zuckerman C. Vengry v strane Levedii: novaia derzhava na granitsakh Vizantii i Khazarii ok. 836–889 gg. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, Vol. VI, pp. 663–688.
51. Chkhaidze V.N. Rannesrednekovyye amfory iz Fanagorii (po materialam raskopok 1939–1980 gg.). *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2005, Vol. VIII, pp. 443–464.
52. Iakobson A.L. Rannesrednekovyye goncharynye pechi v vostochnom Krymu. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1954, Vol. 54, pp. 164–172.
53. Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoii Tavriki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 162 p.
54. Iashaeva T.Iu. Rannesrednekovoe poselenie v predmest'e Khersona na Gerakleiskom poluostrove. *Khersonesskii sbornik*, Sebastopol, 1999, Vol. X, pp. 349–358.
55. Arthur P. Early Medieval Amphorae, the Duchy of Naples and the Food Supply of Rome. *Papers of the British School at Rome*, 1993, Vol. 61, pp. 231–244.
56. Bass G.F. Underwater Excavations at Yassi Ada: a Byzantine Shipwreck. *Archaeologischer Anzeiger*, 1962, pp. 537–564.
57. Boardman J. The Finds. Balance M., Boardman J., Corbett S., Hood S. *Excavations in Chios. 1953–1955. Byzantine Emporio*. London, 1989, pp. 86–142.
58. Gunsenin N. Recherches sur les amphores Byzantines dans les musees Turcs. *Recherches sur la Ceramica Byzantine*, Paris, 1989, pp. 267–276.
59. Gunsenin N. *Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques (thèse de doctorat présentée à l'Université Paris I, Panthéon-Sorbonne)*. Paris, 1990.
60. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, 1992, 455 p.
61. Hayes J.W. Early Christian Pottery from Knossos: the 1978–1981 Finds from the Knossos Medical Faculty Site. *The Annual of the British School at Athens*, 2001, Vol. 96, pp. 431–454.
62. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border. Kingsley S., Decker M. (Eds.), *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity*, Oxford, 2001, pp. 129–166.

63. Martin L.R. Horse and Cargo (Handling on Medieval Mediterranean Ships). *The International Journal of Nautical Archaeology*, 2002, Vol. 31, pp. 237–247.
64. Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth, 2005, 329 p.
65. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E. Transport Vessels and Maritime Trade Routes in the Aegean from the 5th to the 9th c. AD. Preliminary Results of the EU Funded “Pythagoras II” Project: the Cretan Case Study. Poulou-Papadimitriou N., Nodarou E., Kilikoglou V. (Eds.), *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. The Mediterranean: a market without frontiers*, Vol. I, Oxford, 2014, pp. 873–883.
66. Stevenson R. *The Pottery. The Great Palace of the Byzantine Emperors*. Oxford, London, 1947, 33 p.
67. Swan V. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context. Poulter A. (Ed.), *The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond*, Oxford, 2007, pp. 251–280.
68. Todorova E. The Medieval Amphorae (9th to 14th centuries AD) from Excavations at Silistra in 2007 (Preliminary Report). Tzochew Ch., Stoyanov T., Bozkova A. (Eds.), *PATABS II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table Held in Kiten, Nessebar and Sredetz, September 26-30, 2007*, Sofia, 2011, pp. 131–140.
69. Vroom J. Byzantine Sea Trade in Ceramics: Some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca. Seventh-Fourteenth Centuries). Magdalino P., Necipoğlu N. (Eds.), *Trade in Byzantium. Papers from the Third International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium (Istanbul, 24-27 June, 2013)*, Istanbul, 2016, pp. 157–177.
70. Vroom J. The Byzantine Web: Pottery and Connectivity Between the Southern Adriatic and the Eastern Mediterranean. Gelichi S., Negrelli C. (Eds.), *Adriatico altomedievale (VI-XI secolo). Scambi, porti, produzioni. Studi e Ricerche no. 4*, Venice, 2017, pp. 285–310.

L. A. GOLOFAST^{a)}, P. A. EVDOKIMOV^{b)}

a) Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

b) School “Intellectual” (Moscow, Russia)

ON THE CHRONOLOGY OF THE AMPHORAE WITH FINE CORRUGATION ZONES (ACCORDING TO THE EXCAVATIONS IN PHANAGOREIA)

Abstract: This paper addresses the so-called amphorae with fine corrugation zones (globular amphorae), which, along with the Black Sea amphorae with ribbed body, form up the largest group in the pottery complex from the Early Medieval towns and settlements in the Northern Black Sea Area. In the Mediterranean, globular amphorae appeared from the first decades of the seventh century (or even from the sixth century) to the late eighth or, plausibly, mid-ninth century at the latest. In the Northern Black Sea Area, the amphorae with fine corrugation zones are usually dated to the eighth century, with the final of their existence to the tenth or eleventh centuries, which is significantly different from the chronology of analogous ware in the Mediterranean. However, the new data in possession supplies the data to clarify the chronology. This paper addresses the assemblages usually attracted to argument the long existence of globular amphorae. Moreover, we address the complexes containing the amphorae of the Black Sea type with fine corrugation zones and grooved body excavated at Phanagoreia, which confirm the idea that they were not synchronous and that globular amphorae fell into disuse by the late ninth century.

Key words: Early Mediaeval Black Sea amphorae, globular amphorae, Phanagoreia.

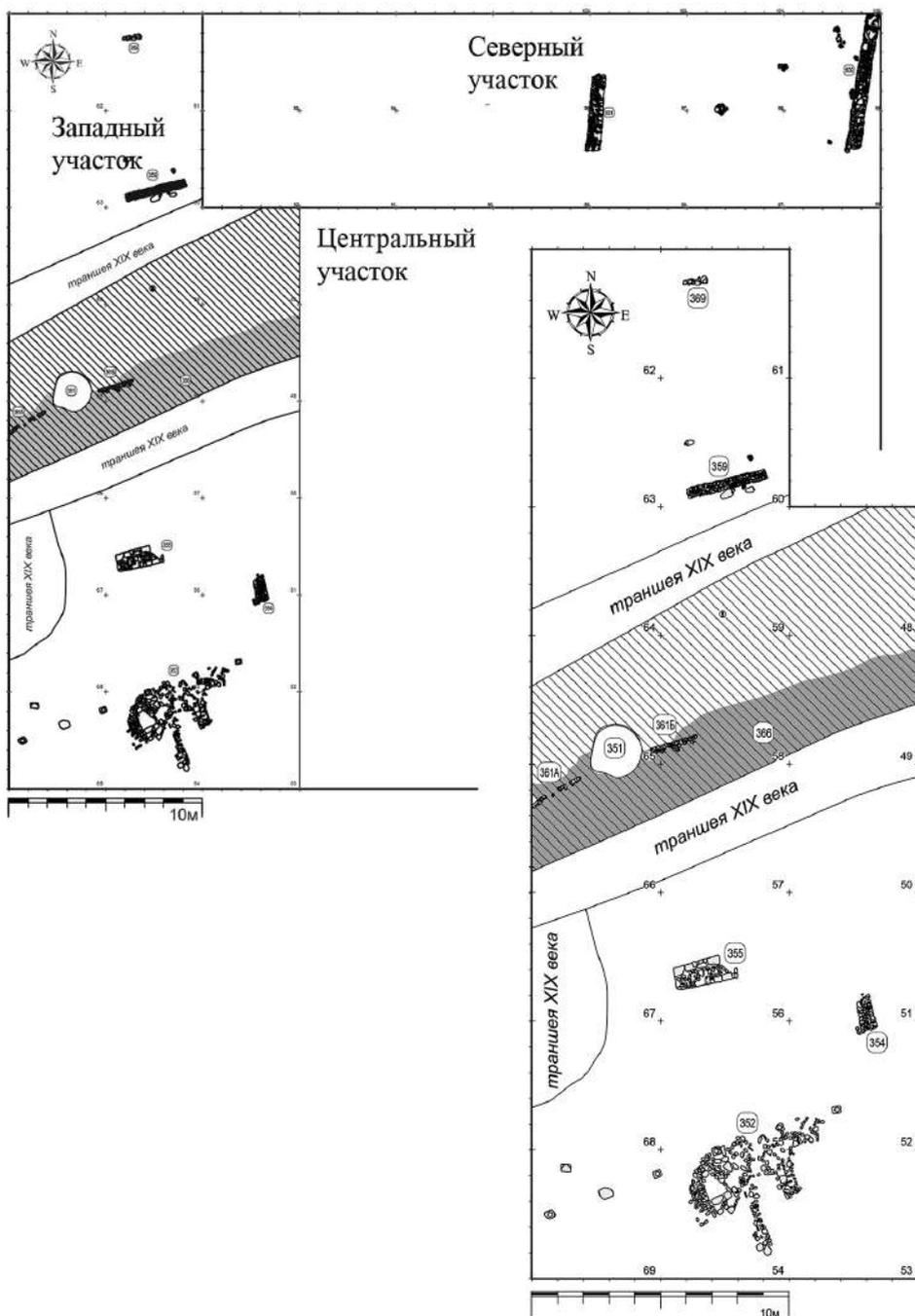

Рис. 1. Фанагория. Схема расположения участков раскопа «Верхний город». План Западного участка раскопа «Верхний город»

Рис. 2. Западный участок раскопа «Верхний город». Зачистка подошвы 8 штыка. Вид на квадраты 64–65–66, 59–58. Траншея XIX в. Южный край предполагаемой нивелировочной засыпи отмечен стрелками

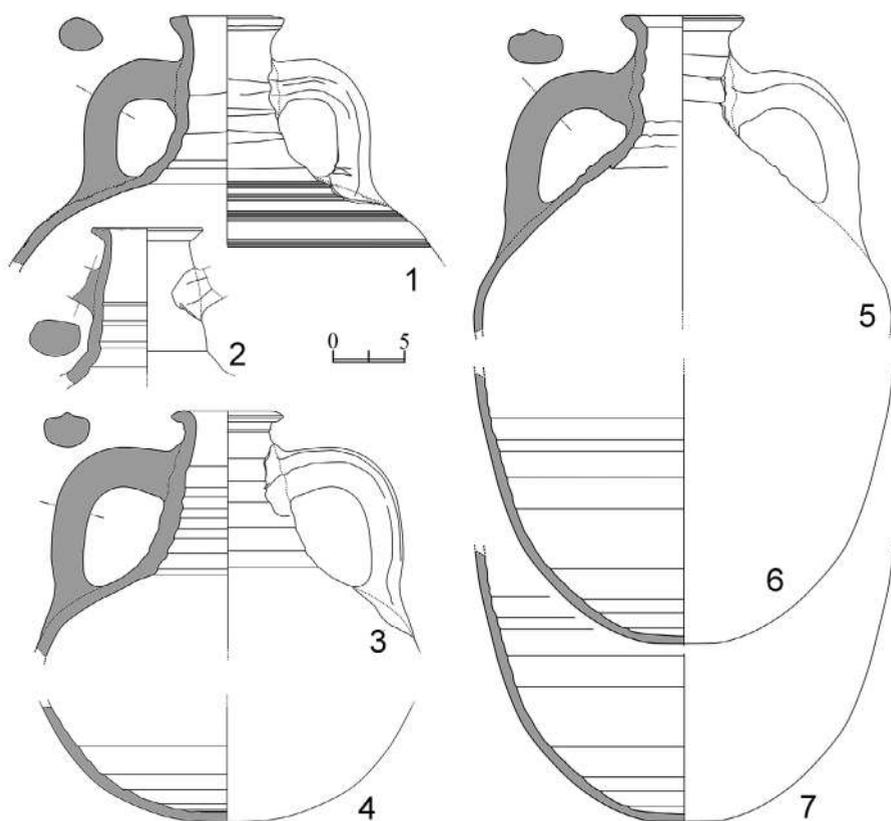

Рис. 3. Амфоры из нивелировочной засыпи на раскопе «Верхний город»

Рис. 4. Объекты 352, 354, 355. Вид с юго-запада

Рис. 5. Объекты 352, 354, 355. Вид с северо-востока

Рис. 6. а – Объект 355. Вид с востока. б – Объект 355. Северный фас

Рис. 7. Объект 369. Восточный край, северный фас

Рис. 8. а – Объект 359 в процессе расчистки. Вид с востока. б – Объект 359. Северный фас

Рис. 9. а – Объект 361, яма 351. Восточный край, северный фас. б – Объект 361 и яма 351. Вид с запада

Рис. 10. а – Вымостка 366, уровень 2, восточная часть, вид с запада, по сторонам – траншеи XIX в.
б – Вымостка 366, уровень 1, профилировка нивелировочной засыпи в борту траншеи XIX в.

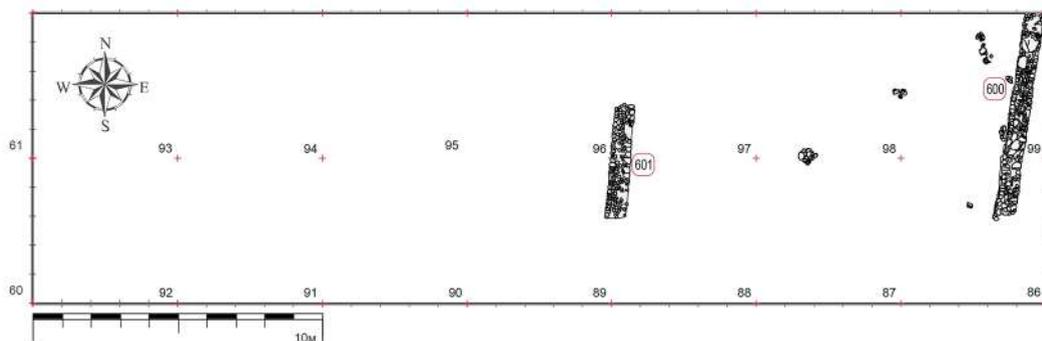

Рис. 11. План Северного участка раскопа «Верхний город»

Рис. 12. Объект 600

Рис. 13. Развал амфор, открытый под кладкой 601

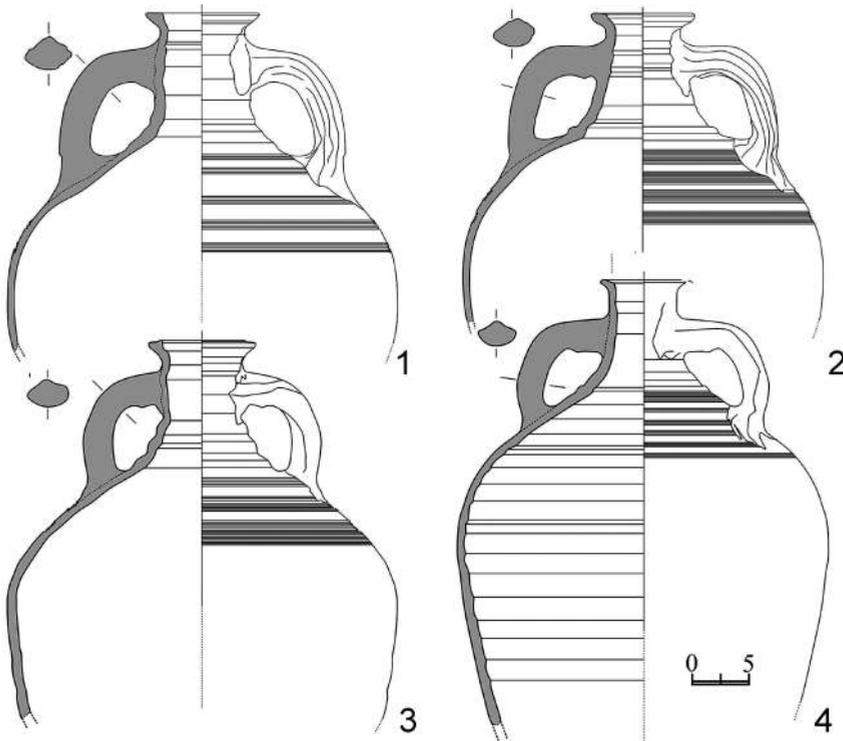

Рис. 14. Амфоры (объект 602), открытые под кладкой 601